

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

**государственный деятель
и правовед**

Часть третья

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2018. № 4. С. 87-94. № 5. С. 79-86. № 6. С. 87-94. № 7. С. 87-94.

1

Программный характер выступления А.Я. Вышинского «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» подчеркивали заголовки различных разделов его расширенного текста, изданного отдельной брошюрой. Андрей Януарьевич представил их в виде лозунгов, выражавших главные задачи советских органов юстиции:

- «Привлекать к уголовной ответственности обдуманно и обоснованно»¹.
- «Тверже поставить охрану личности трудящихся»².
- «Изгнать следы бюрократического отношения к нуждам людей»³.
- «Улучшить руководство нашими кадрами»⁴.
- «Ускорить реформу нашего законодательства»⁵.

С каждым из этих лозунгов прокурор СССР связывал исправление каких-либо недостатков в деятельности прокурорских и судебных органов. Призывая же к ускорению реформы советского законодательства, он говорил о необходимости окончательно разрешить ряд «принципиальных вопросов уголовного и уголовно-процессуального права»⁶. При этом первостепенное значение придавалось им совершенствованию уголовного законодательства. «Наш уголовный кодекс, — говорил Вышинский, — должен в полной мере отвечать новым требованиям и новым задачам. Он должен полностью освободиться от ошибок и недостатков как ныне действующего УК, так и тех проектов УК, которые создавались из года в год, но ни один из которых до сих пор не увидел света»⁷.

¹ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 25.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же.

⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

Андрей Януарьевич в данном случае имел в виду проекты уголовного кодекса, которые разрабатывались с 1928 года одновременно:

— комиссией Государственного института по изучению преступности и преступника (сокращенно: ГИПП) под руководством Е.Г. Ширвиндта⁸,

— возглавляемой Н.В. Крыленко группой сотрудников Института красной профессуры и подсекции уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии⁹,

— группой правоведов в составе: прокурора Верховного суда СССР П.А. Красикова, председателя Верховного суда СССР А.Н. Винокурова, заместителя председателя Верховного суда СССР А.В. Галкина.

К 1930 году указанные комиссии и группы правоведов подготовили три проекта уголовного кодекса¹⁰. Но по разным причинам все они были признаны неудачными.

Главными ошибками этих проектов А.Я. Вышинский считал выдвинутые в ходе их разработки идеи о коренном преобразовании установленной Уголовным кодексом РСФСР 1926 года системы преступлений и мер социальной защиты с целью освобождения ее от свойств, присущих уголовному праву буржуазного общества. Особенно

⁸ См.: Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса) // Проблемы преступности. Вып. 4. М., 1929. С. 108–122.

⁹ Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24. V. 1928 года // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 3–19. Данная статья была также опубликована в издании: Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641–643. № 23. С. 661–664. В 1929 г. указанная работа Н.В. Крыленко была выпущена в свет издательством «Госюриздат РСФСР» в виде отдельной брошюры объемом в 64 страницы под названием «Реформа уголовного кодекса (основные принципы пересмотра уголовного кодекса). Доклад на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников».

¹⁰ Проект, подготовленный группой правоведов под руководством Н.В. Крыленко был издан Госюриздатом в виде отдельной брошюры объемом в 65 страниц. См.: Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии / Вступит. статья Н.В. Крыленко. М., 1930.

пагубной Вышинскому, как прокурору СССР, представлялась выдвинутая рядом советских правоведов идея о том, что «новый уголовный кодекс вместо твердых и точных составов (преступлений. — В.Т.) должен был иметь ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие»¹¹.

Данная идея стала бурно обсуждаться на различных заседаниях в научных юридических учреждениях и в Наркомате юстиции с весны 1928 года.

19 ноября указанного года руководитель Государственного института по изучению преступности и преступника Евсей Густавович (Гдальевич) Ширвиндт выступил на пленарном заседании данного учреждения с докладом об основных принципах для разработки проекта уголовного кодекса, где изложил свои мысли о наиболее целесообразной методике изложения содержания такого документа. «Система мер социальной защиты УК и порядок применения их судами, — сказал он, — должны обладать гибкостью, которая давала бы возможность, не прибегая к практике ударных кампаний, усиливать репрессию в отношении преступников и преступлений, которые в силу изменений хозяйственной и политической конъюнктуры приобретают особую социальную опасность»¹².

Продолжая высказанную мысль, Е.Г. Ширвиндт сформулировал следующий тезис: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы, должна быть заменена системой приговоров относительно неопределенных в разных их формах, в зависимости от социальной опасности тех или иных категорий преступников, но в пределах максимального срока»¹³.

¹¹ *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

¹² Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса). С. 108. В процессе обсуждения в Совете ГИПП фраза «особую социальную опасность» в данном тезисе Ширвиндта была заменена на слова «большую или меньшую социальную опасность» (там же. С. 109)

¹³ Там же. С. 108. После обсуждения в Совете ГИПП данный тезис принял следующий вид: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы, должна быть заменена системой относительно неопределенных приговоров. В тех случаях, когда суд признает единственно

Рассмотрев представленные Ширвиндтом тезисы, пленарное заседание Государственного института по изучению преступности и преступника приняло их «в качестве основы для работ Института по составлению проекта уголовного кодекса»¹⁴. Для координации этих работ в рамках ГИПП 18 февраля 1929 года была создана специальная комиссия под председательством Е.Г. Ширвиндта. В ее состав были назначены: Н.Н. Спасокукоцкий, А.Н. Трайнин, С.Б. Тагер и Б.С. Утевский. Позднее в комиссию включили правоведов М.М. Исаева, С.П. Мокринского и А.А. Пионтковского. В таком составе она занялась непосредственно составлением проекта нового уголовного кодекса.

Сделанный Е.Г. Ширвиндтом вывод о необходимости замены системы «определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы» в советском уголовном кодексе «системой приговоров относительно неопределенных», разделяли многие советские правоведы. Он вполне закономерно вытекал из присущей советской науке уголовного права доктрины преступления и наказания, которая в своем формировании и развитии всегда противопоставлялась соответствующей доктрине буржуазного уголовного правоведения.

Сам Ширвиндт хорошо понимал связь идеи неопределенных приговоров с уголовно-правовыми доктринами Советского государства. В 1927 году он писал в одной из своих статей: «Таким образом, один из первых основных вопросов советского уголовного права, встающий перед нами в начале второго десятилетия Октябрьской революции, это — проблема коренной переработки особенной части Уголовного кодекса в направлении расширения принципа неопределенности приговоров и радикального пересмотра всей системы мер социальной защиты и характера применяемых санкций»¹⁵.

целесообразной мерой социальной защиты лишение свободы, оно во всех случаях должно назначаться на срок от одного года, с тем, что заключенный может быть освобожден соответствующими органами в пределах установленного законом максимального десятилетнего срока» (там же. С. 110)

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ Ширвиндт Е.Г. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. Журнал Института советского права. 1927. № 6 (30). С. 76.

Поясняя данную мысль, Евсей Густавович развернул широкую и стройную аргументацию. «Непоколебимость, незыблемость приговора, судебного решения является характерной чертой буржуазной юриспруденции, — утверждал он. — Этим капиталистическое государство демонстрирует непримиримость с врагами буржуазного строя, свою непреклонную волю к борьбе с нарушителями абсолютного права частной собственности, в этом, наконец, находит свое логическое завершение теория эквивалентного возмездия, требующая, чтобы преступник во что бы то ни стало отбыл в точности всю установленную судом меру наказания, как соответствующую совершенному преступлению. Всякое колебание приговора есть, с точки зрения этой теории, колебание теории возмездия. Отсюда — святость и незыблемость приговора, отсюда апелляционная и кассационная его проверка до вступления в силу. Отсюда же в капиталистических странах и целый ряд аналогичных явлений в области выполнения приговоров к лишению свободы: фактически ничтожные размеры применения неопределенных приговоров, несмотря на теоретическое их признание, ничтожное по размерам применение досрочного освобождения при общем признании целесообразности этого института, мысль о возможности освобождения заключенного ранее срока лишь в порядке акта милости со стороны верховного органа власти и т.д. и т.д.»¹⁶.

Посетовав, что и по прошествии десяти лет после отмены законов прежней, дореволюционной, России советская юридическая наука все еще находится в плену у буржуазного представления о незыблемости судебного приговора, Е.Г. Ширвиндт убежденно заявил: «Между тем, если подойти к вопросу с революционно-марксистским анализом, то станет ясно, что приговор не может считаться чем-то абсолютным. Если основанием принятия мер социальной защиты является не точно измеримая степень вины, а социальная опасность преступника, ни размеры, ни продолжительность которой не могут быть измерены и хотя бы с приблизительной точностью установлены, то и приговор суда не может дать арифметически точного перевода степени

¹⁶ Там же. С. 80.

социальной опасности на годы, месяцы и дни. Преступление, отдельно взятое и служащее предметом судебного разбирательства, отнюдь не может дать непогрешимо правильного представления о *степени* социальной опасности деятеля. О *продолжительности* же социальной опасности никто, а в том числе и суд, не может дать безошибочно прогноза на более или менее отдаленное будущее»¹⁷.

В качестве еще одного аргумента в поддержку мнения о необходимости замены в советском уголовном кодексе системы определенных приговоров системой приговоров относительно неопределенных Е.Г. Ширвиндт привел тот факт, что не только социальная опасность преступника не является постоянным свойством. Отдельные преступления также «могут изменять или вовсе терять свою социальную опасность». Такие случаи действительно были в советской судебной практике. «С точки зрения буржуазных теорий возмездия, — заметил Евсей Густавович, — осужденные за подобные преступления должны до конца отбыть назначенное им наказание. Революционная марксистская диалектика устанавливает, что дальнейшее содержание таких осужденных является нецелесообразным, бессмысленным и вредным. Бояться *корректирования* таких приговоров, опасаться, что освобождение осужденных за подобные преступления поколеблет стабильность судебной политики, значит быть в плену у буржуазной юридической мысли, значит проповедовать фетишизм самого неприкрашенного типа»¹⁸.

Содержание проекта нового уголовного кодекса, разработанного комиссией правоведов под председательством Е.Г. Ширвиндта, показывает, что ему удалось провести в его тексте идею о неопределенных приговорах, но в весьма ограниченной степени — лишь путем установления сроков лишения свободы от 2-х до 5-ти лет. При этом, согласно данному проекту, применение подобной меры социальной защиты предполагалось только за такие деяния, как:

- 1) преступления против пролетарской диктатуры,

¹⁷ Там же. С. 80–81.

¹⁸ Там же. С. 81.

- 2) массовые беспорядки, соединенные с истреблением имущества, убийствами и другими насильственными действиями,
- 3) бесхозяйственность,
- 4) нарушение кулаками законов о национализации земли,
- 5) контрабанда, подделка денег и поджог,
- 6) нарушение безопасности железнодорожного сообщения, нарушение строительных и противопожарных правил,
- 7) бандитизм.

Самым последовательным в отстаивании идеи освобождения будущего уголовного кодекса Советского государства от каких-либо элементов буржуазного права оказался Н.В. Крыленко. Уже по одной этой причине Вышинский, критикуя в своем докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» идею замены в новом уголовном кодексе точных составов преступлений на «ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие», должен был обрушиться главным образом на него. Но у прокурора СССР имелось немало и других оснований для уничтожающей критики Н.В. Крыленко.

Николай Васильевич входил в когорту «старых большевиков» и был юристом по образованию¹⁹. Поэтому занимал в Советском государстве высокие юридические должности: с августа 1920-го до января 1921 года он являлся председателем Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР, со 2 января по 15 августа 1922 года был председателем Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР. С 15 октября 1928 года до 5 мая 1931 года состоял в должности прокурора РСФСР. С 5 мая 1931 года до 20 июля 1936 года он занимал пост народного комиссара юстиции РСФСР. Обрушиваясь в своем докладе на Н.В. Крыленко, Вышинский наносил удар по человеку, который вполне мог, при роковом стечении обстоятельств, заменить его на посту прокурора СССР. Во всяком случае роль обвинителя «врагов народа» Крыленко был способен исполнить не хуже Вышинского, а возможно даже и лучше.

¹⁹ В 1914 г. Н.В. Крыленко сдал экстерном экзамены по программе юридического факультета Императорского Харьковского университета.

Первый выпад, который Андрей Януарьевич сделал в своем докладе в адрес Николая Васильевича, был похож на укол научной критики. «При построении нового Уголовного кодекса, — начал он свою инвективу, — мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью ответить на ряд вопросов, имеющих громадное принципиальное значение. Таков, например, вопрос о так называемых “точных составах преступлений”». После этих слов Вышинский, видимо, сделал паузу: следующая фраза в напечатанной стенограмме его доклада начинается с новой строки. В ней в первый раз встречается фамилия Крыленко. Прокурор СССР сообщил казалось бы малозначащий, никак не порочащий наркома юстиции факт: «Я должен напомнить о том, какой энергичной атаке со стороны некоторых товарищей, и в частности т. Н.В. Крыленко, подвергался этот принцип на протяжении ряда лет». После этого заявления прокурор СССР счел необходимым оправдаться за то, что помянул старое: «Я не стал бы тревожить теней прошлого, если бы этот вопрос не затрагивал самых подлинных глубин нашей судебной практики, если бы то или иное его решение не затрагивало чрезвычайно остро и резко основных вопросов нашей уголовной политики»²⁰. Данным оправданием Вышинский подготовил еще один, на этот раз более тяжелый выпад против своего соперника. «При составлении проекта УК 1930 г. и позже (до проекта 1934 г.), — снова стал вспоминать он, — т. Крыленко требовал “дефетишизации” этих составов, противопоставляя “точным составам”, презрительно именуемым им “прейскурантом” преступлений, лишь “ориентировочный перечень наиболее опасных преступлений и мер репрессии...”. Новый кодекс должен был, по мысли т. Крыленко, “свести их с роли непреложной догмы к роли рабочего инструмента в руках судьи”. Новый УК должен представлять собой сумму “приблизительных наметок мероприятий, которые целесообразно применять в каждом отдельном случае...”»²¹.

Последнее из процитированных прокурором Вышинским высказываний Н.В. Крыленко было взято из доклада «Проект

²⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

²¹ Там же.

Уголовного кодекса Союза ССР», сделанного наркомом юстиции РСФСР 25 декабря 1934 года на совместном заседании президиума Коммунистической академии и Государственного института уголовной и исправительно-трудовой политики при Верховном суде СССР, Прокуратуре СССР и Наркомате юстиции РСФСР. Трудно сказать, насколько точно Андрей Януарьевич процитировал слова Крыленко: при публикации своего доклада в журналах Николай Васильевич переработал его стенограмму²². Высказанная им в докладе и приведенная Вышинским мысль о том, что новый уголовный кодекс должен содержать лишь приблизительные наметки мер, предназначенных для применения судьями, в переработанном варианте получила следующий вид: «Кодекс должен быть достаточно **гибким**, чтобы обеспечить суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном случае, в том числе тогда, когда необходимо судить по аналогии, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора **наиболее целесообразной** меры репрессии для каждого конкретного случая»²³.

Третьему своему выпаду в адрес Крыленко Вышинский придал исключительно политический смысл. Прокурор СССР оценил высказывания наркома юстиции о целесообразности давать в новом уголовном кодексе не точные, а лишь «ориентировочные», приблизительные составы преступлений с точки зрения идей, высказанных Сталиным в речи 4 мая 1935 года. «Сейчас, — заметил Вышинский, — больше, чем когда-либо видна ошибочность такого тезиса. В свете речи т. Сталина о кадрах нужно еще более решительно, еще более энергично бороться за устойчивость, твердость и непреложность советского закона. Нельзя защищать этих надуманных “ориентировочных” составов преступлений, особенно в нынешних условиях, когда партия и правительство требуют твердого и точного

²² Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Комакадемии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. 1935. № 1-2. С. 85-107. Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1935. № 11. С. 1-10.

²³ Советское государство. 1935. № 1-2. С. 104. Советская юстиция. 1935. № 11. С. 9.

соблюдения всеми советских законов, когда партия, устами своего вождя, сокрушительно бичует “зазнавшихся вельмож”, думающих, что законы писаны для дураков. “Ориентировочные” составы – это неопределенность, неустойчивость, произвол в области борьбы с преступностью. Нельзя допустить, чтобы каждый судья творил по своему законы... Отказ от “точных составов” открывает дверь самым разнообразным нарушениям закона, самому бесшабашному кустарничанью, самому нелепому “правотворчеству”... Нужно помнить, что вопрос о правильной квалификации тех или иных преступлений является важнейшим условием правильного осуществления нашей судебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами и всего пролетарского государства»²⁴.

По своему содержанию вопрос о методике изложения материала уголовного кодекса являлся, конечно, вопросом научным. Он предполагал в первую очередь выработку определенного взгляда на сущность преступления и цели наказания или меры социальной защиты, а во-вторых, создание соответствующей этому взгляду классификации преступных деяний и определение круга назначаемых за их совершение наказаний или мер социальной защиты, установление порядка их применения судьями. И как показывают материалы обсуждения вопроса о наиболее целесообразных принципах построения нового уголовного кодекса, спор по этой теме между правоведами как раз и носил преимущественно научный характер. Политический характер этому сложнейшему юридическому вопросу придал именно Крыленко.

В первом же своем выступлении о реформе Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, которое было представлено в виде доклада на заседании коллегии наркомата юстиции РСФСР 24 мая 1928 года, Н.В. Крыленко, занимавший в то время должность заместителя наркома юстиции, высказал отрицательное отношение к дозированию уголовной репрессии, соотносению ее с конкретными преступлениями,

²⁴ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10–11.

заявив, что по существу это дозирование есть не что иное, как «отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте, — отражение в форме принципа, что равным образом, за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии»²⁵. Подменяя юридический подход к вопросу переработки действующего уголовного права политическим подходом, Крыленко старался найти опору своим сугубо идеологическим воззрениям на уголовный кодекс в идеях марксизма и ленинизма. С точки зрения этих идей он оценивал уголовную политику Советского государства и приходил к выводу, что она «не выдерживает критики уже совершенно». Пытаясь обосновать эту оценку, Крыленко утверждал в докладе на коллегии НКЮ, что «основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что “наказывать” классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом не имеет никакого смысла»²⁶.

Исключительно политическое воззрение на основополагающие категории уголовного права неизбежно вело Крыленко к отказу от принципа соответствия наказания тяжести преступления, а в конечном итоге — к мысли о бесполезности особенной части уголовного кодекса. «Что же касается задач уголовной политики в отношении представителей своего же класса, — заявлял он, — то с точки зрения марксизма, равным образом, нелепостью является постановка проблемы их исправления путем заключения в тюрьму на те или иные сроки. Плановое воздействие на основы экономики нашего общества,

²⁵ Крыленко Н.В. Принципы переработки уголовного кодекса. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24/V. 1928 г. // Революция права. 1928. № 4. С. 5. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641–643. № 23. С. 661–664.

²⁶ Там же. Революция права. 1928. № 4. С. 7. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 642.

уничтожение классовых противоречий в их корне, устранение основных первопричин, порождающих преступность — вот методология борьбы, которая, в данном случае, может явиться для нас единственно приемлемой. А с этой точки зрения отпадают сразу же и теория “соответствия меры репрессии содеянному” и “теория исправления” путем заключения на тот или иной, заранее определенный срок»²⁷.

Политический, а не юридический характер имела и заимствованная Н.В. Крыленко у П.И. Стучки идея деления всех преступлений на три категории: 1) социально-вредные действия, 2) социально-опасные действия и 3) особо-опасные действия. При изложении этого деления Николай Васильевич высказывал мысль о том, что «так называемая “особенная часть” Уголовного кодекса должна быть разделена на три раздела» соответственно предложенной им классификации преступных деяний²⁸.

Подобные воззрения формировали в молодом Советском государстве **идеологию государственной политики массовых репрессий**. Особенно явственно она проступала в докладе Н.В. Крыленко «*Три проекта реформы уголовного кодекса*», с которым он выступил в 1931 году на Первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Это было программное выступление. Народный комиссар юстиции РСФСР предельно откровенно выражал свои представления о том, каким должен быть образцовый уголовный кодекс Советского государства. «Главная беда нынешней нашей системы уголовного кодекса, — утверждал он, — в том, что в ней сохраняются и те элементы буржуазной формы права, которые мешают нам на данном этапе. Задача подавления классовых врагов, задача дисциплинирующего воздействия на колеблющиеся элементы из среды трудящихся — обе эти задачи предполагают... дифференциацию репрессии по классовому признаку. Этой дифференциации уголовной политики противопоставляются

²⁷ Там же.

²⁸ Революция права. 1928. № 4. С. 14. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 662-663.

формальная точка зрения уголовного права буржуазии о равенстве закона для всех, формальное понятие преступления, требование равной репрессии, считающейся только с точной буквой закона, только с объективной тяжестью содеянного. Эта точка зрения мешает правильному построению нашей уголовной политики сейчас. Мы на этой точке зрения стоять не можем, должны ее отвергнуть, ибо она прямо мешает основной задаче — классово дифференцировать методы уголовной репрессии

Не в меньшей мере противостоит этой задаче эквивалентность формы репрессии с вытекающим отсюда делением преступлений на отдельные составы, связанные с дробными мерами репрессий на основе принципа дозировки. Система точных составов, система точных, предуказанных доз репрессии, применяемых на основе формального подхода к совершающему преступление, в период обостряющейся классовой борьбы мешает пролетариату, связывает его руки. В этом процессе классовой борьбы нельзя подходить к врагу с определенным, фиксированным, точным указанием: вот столечко и столечко полагается тебе за данное преступление. Нам нужно в нынешней борьбе развязать руки нашему суду пролетарской диктатуры, как орудию общественной самодисциплины трудящихся. Пусть он в каждом конкретном случае, соблюдая классово дифференцированный подход, ищет наиболее целесообразную меру»²⁹.

Сам Н.В. Крыленко вряд ли сознавал подлинный смысл сформулированных и изложенных им в многочисленных устных выступлениях, в журнальных статьях и книжках уголовно-правовых доктрин. Он считал эти доктрины революционными и присущими пролетарскому государству на всех этапах его развития. Он забыл или не понимал то, что всегда помнил и понимал Вышинский: **государство, как бы оно ни называлось — буржуазным, пролетарским или социалистическим — всегда является прежде всего государством.**

Критику Вышинского Николай Васильевич воспринял предельно серьезно. И еще до публикации доклада прокурора СССР «Речь т.

²⁹ Крыленко Н.В. Три проекта реформы уголовного кодекса // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1931. № 1. С. 89–90.

Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» написал ответ на его критические выпады. Поэтому в журнале «Советская юстиция», печатном органе Наркомата юстиции РСФСР, доклад А.Я. Вышинского и ответ Н.В. Крыленко на содержащуюся в нем критику были опубликованы одновременно, один за другим³⁰. Андрей Януарьевич ответил на ответ Крыленко. Началась полемика между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР, непосредственно по проблемам уголовного кодекса, а вообще – по вопросу уголовной политики Советского государства. Данный спор длился на страницах журналов до конца 1935 года. Его содержание, стиль публикаций и их тон многое проясняют не только во взаимоотношениях этих двух людей, игравших в 1920-е – 1930-е годы ключевые роли в юридической жизни и политике Советского государства, но и в общественной атмосфере, существовавшей в нашей стране накануне периода массовых репрессий.

2

Спор между А.Я. Вышинским и Н.В. Крыленко, развернувшийся после выступления прокурора СССР 19 мая 1935 года с критикой в адрес народного комиссара юстиции РСФСР, имел необычный характер. Между собой столкнулись не просто два человека, занимавших высшие юридические должности в Советском государстве, но люди, выражавшие два разных течения в большевистской идеологии и соответственно воплощавшие собой два различных типа советских государственных деятелей. Один из них являлся по своему мировоззрению **большевиком-революционером**, другой – **большевиком-государственником**. Первый из них вошел в число жертв политических репрессий 1936–1938 годов. Второй выступил в качестве обвинителя этих «жертв».

Тайна «сталинских репрессий» 30-х годов XX века вряд будет когда-нибудь будет разгадана: слишком много явлений, процессов, противоречий сплелось воедино в данном феномене. Слишком много

³⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 1-8. Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8-11.

противоположностей смешалось в нем. **Это было преступление, в котором нередко жертвы становились собственными палачами, а палачи оказывались жертвами.**

Конфликт между Вышинским и Крыленко показывает, как происходило это удивительное и странное превращение палача в жертву, а жертвы — в палача.

* * *

Критикуя друг друга, и народный комиссар юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, и прокурор СССР А.Я. Вышинский подчеркивали, что разногласия между ними касаются непосредственно лишь вопросов уголовного процесса и вопросов уголовного кодекса, т. е. относятся прежде всего к области юридической науки. Однако стиль, содержание и логика их высказываний, аргументация, к которой они прибегали, чтобы доказать свою правоту, показывали, что в действительности они рассматривали полемику между собой как настоящее политическое сражение и соответственно каждый из них относился к своему оппоненту как к политическому противнику. Сознавая принципиальный, идеологический характер своих расхождений в понимании основных вопросов уголовного права и уголовного процесса, оба полемиста не стеснялись называть свой спор «дракой за честь» или просто «дракой», а взаимные критические выпады представлять в качестве «обвинений».

Первый свой ответ на критику со стороны Вышинского, прозвучавшую в докладе прокурора СССР по поводу речи И.В. Сталина о кадровой политике, Крыленко начал с объяснения причины, побудившей его решительно и резко на нее возразить. «Там, где идет вопрос о принципах, — заметил он, — там должно действительно драться до конца или, как говорил принц Гамлет, “драться за скорлупу, если задета честь”. Вот почему мы не можем оставить без ответа выступление т. Вышинского, хотя и не видим ни особенной необходимости, ни особенной логики в связывании этих вопросов с выступлением т. Сталина о кадрах»³¹.

³¹ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8.

А.Я. Вышинский в своем ответе на ответ Н.В. Крыленко, опубликованном одновременно в двух журналах — «Советская юстиция» и «Социалистическая законность» — также считал необходимым отметить принципиальность его спора с наркомом юстиции РСФСР. Я не согласен, заявил он, что за скорлупу следует драться, даже если задета честь. В данном случае дело идет не о «скорлупе», как выражается Гамлет, а о «действительно серьезных, принципиальных вопросах нашей судебной политики. Поэтому я готов драться за правильное решение этих вопросов»³².

И Вышинский, и Крыленко были согласны в том, что прокуратура и суд в Советском государстве имеют в борьбе с преступностью два предназначения: защиту интересов трудящихся и подавление классовых врагов. Эту мысль они последовательно проводили и в своих выступлениях. Разногласия между ними начинались лишь тогда, когда заходила речь о способах достижения этих целей.

Андрей Януарьевич был убежден, что защиту интересов трудящихся и подавление классовых врагов можно совмещать и эффективно вести в рамках единого уголовного процесса. Введенный Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 года упрощенный и ускоренный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти он рассматривал как временное исключение из правил, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, связанными с убийством С.М. Кирова. Высказывая в докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» мнение о необходимости внесения в действующий уголовный кодекс ряда изменений «в духе дальнейшей демократизации нашего судопроизводства», прокурор СССР настойчиво призывал поэтому «решительно отвергнуть всякие попытки возродить теорию двух процессов». «Нельзя, — утверждал он, — смешивать этот вопрос с вопросом о выделении некоторых

³² Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

категорий дел, как это делает закон 1 декабря 1934 года, для рассмотрения в особом порядке. Во всяком процессе могут быть те или иные отступления, исключая из обычного процесса. Это естественно и неизбежно. Но это другой вопрос. Это не вопрос о двух процессах»³³.

Крыленко же, в отличие от Вышинского, полагал, что защита интересов трудящихся и подавление классовых врагов могут эффективно обеспечиваться лишь при условии введения в Советском государстве двух типов уголовного процесса. «Наш судебный процесс, — писал он, — являясь таким же политическим орудием, каким является и наш Уголовный кодекс, должен отличаться двумя основными качествами:

а) быть достаточно гибким в смысле процессуальных полномочий суда для того, чтобы обеспечить необходимую маневренность и свободу в установлении методов для отыскания материальной истины и разоблачения классового врага, во-первых, и быстроту репрессии (ее суровость в свою очередь обеспечивается материальным правом), во-вторых;

б) быть достаточно демократичным, чтобы обеспечить максимальную защиту прав трудящихся в судебном процессе и наибольший воспитательный эффект в отношении окружающих»³⁴.

При этом нарком юстиции РСФСР отмечал, что «эту вторую задачу обеспечивают принципы советской судебной демократии, гласность процесса, его непосредственность, устность и т.д.». А «чрезвычайные полномочия суда при рассмотрении дел по декрету от 1 декабря являются примером тех приемов и способов, к которым прибегает наш процесс для разрешения первой задачи»³⁵.

Указанные две формы судопроизводства Н.В. Крыленко находил настолько качественно различными одна от другой, что делал вывод о появлении в рамках советского правосудия двух типов уголовного процесса. «Это совершенно ясно и отчетливо выраженные две формы судоговорения, применяемые одним и тем же судом в зависимости от

³³ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 12.

³⁴ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому. С. 9.

³⁵ Там же.

политической обстановки, места и времени»³⁶, — утверждал он. В связи с этим Николай Васильевич предлагал написать новый уголовно-процессуальный кодекс так, чтобы «у суда были все возможности для применения обеих форм процесса., в зависимости от конкретных обстоятельств места, времени, характера преступления и личности совершившего»³⁷.

А.Я. Вышинский считал разделение судебного процесса на два вида (один — специально для классовых врагов, другой — для трудящихся) недопустимым в условиях, когда гражданская война была закончена и стояла задача упрочения основ Советского государства, утверждения во всех сферах государственной деятельности принципа законности. Против такой реформы уголовного процесса он выступал и ранее. Его спор с Крыленко по данному вопросу был в сущности продолжением давнего с ним спора.

Наркомат юстиции РСФСР еще в 1927 году предлагал принять новый уголовно-процессуальный кодекс, предполагавший два различных судебных процесса: особый — для классовых врагов и обыкновенный — для трудящихся. «Тезисы о реформе УПК», утвержденные постановлением коллегии наркомата юстиции РСФСР 9 июня 1927 года, были разработаны при активном участии Н.В. Крыленко, занимавшего тогда пост заместителя наркома юстиции РСФСР³⁸. В этом документе констатировалось, что существовавший в то время в системе советского правосудия процесс, «долженствовавший обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Активное участие Н.В. Крыленко принимал и в разработке на основе этих тезисов проекта нового УПК РСФСР, закрепившего деление судебного процесса на два вида — «судебное заседание в народном суде» и «судебное заседание в губернском суде. Его текст, опубликованный в декабре 1927 г. в журнале «Еженедельник советской юстиции», представлял именно Н.В. Крыленко. См.: *Крыленко Н.В.* К проекту нового УПК РСФСР // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 47. С. 1457–1459. Данный проект был опубликован в двух номерах указанного журнала. См.: Проект Уголовно-процессуального кодекса РСФСР с постатейным наказом НКЮ о порядке производства уголовных дел в судебных учреждениях РСФСР. Проект постановления СНК РСФСР // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 47. С. 1473–1481. № 48. С. 1510–1520.

врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формалистикой и крючкотворством процесс»³⁹. В связи с этим было предложено разделить судебный процесс на два вида: «процесс в губернском суде и процесс в народном суде»⁴⁰.

Процесс в народном суде предполагалось в максимальной степени освободить от всяких формальностей, оставив минимум норм, подлежащих обязательному соблюдению. Нормы же, не вошедшие в эту категорию, предусматривалось признать «техническими приемами, нарушение которых не играет существенного значения»⁴¹.

Рассмотрение дел в губернском суде должно было в соответствии с этой реформой строиться как «исключительный процесс» на основании «предоставления руководящей роли председателю, без допущения прокуратуры и защиты, и на основе применения, по усмотрению суда, ряда жестких процессуальных мер»⁴².

А.Я. Вышинский видел в таком разделении процесса большую опасность для Советского государства. В докладе на объединенном заседании секции уголовной политики Института советского строительства и права Коммунистической академии и секции уголовного процесса Института уголовной политики Прокуратуры СССР и НКЮ РСФСР, сделанном 23 октября 1934 года, Андрей Януарьевич подверг резкой критике проект реформы УПК, предложенный наркоматом юстиции в конце 1927 года. «Не разрушать УПК и уголовный процесс, а максимально его укрепить — вот в чем состояла тогда наша задача, — заявил он. — Тогдашний НКЮ попытался пойти по пути наименьшего сопротивления, рассуждая примерно так, что раз классовый враг использует процессуальные права и всякие “формальности”, чтобы уйти от ответственности, то

³⁹ Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокола № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1472.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 1473.

лучше всего уничтожить эти “права” и “формальности”⁴³. Между тем эти права представляли собой частицу советского права, элементы права пролетарского государства, необходимого пролетариату как одно из орудий подавления именно классового врага, как средство мобилизации широких масс трудящихся на борьбу с классовым врагом и преступлениями.

Ошибочность занятой в 1927 году по отношению к УПК позиции НКЮ совершенно очевидна, особенно теперь, когда так остро стоит перед нами задача максимального укрепления процессуального производства как основы и условия деятельности советского суда, значение которого, особенно в настоящее время, чрезвычайно велико»⁴⁴.

Содержание доклада, сделанного А.Я. Вышинским 23 октября 1934 года, показывает, что его критика позиции Н.В. Крыленко в докладе 19 мая 1935 года отражала в первую очередь идейные расхождения между ними.

Отвечая на критику прокурора СССР, нарком юстиции РСФСР писал: «Выступление т. Вышинского против меня сводится к обвинению: 1) что я выступаю сторонником не точных, а ориентировочных составов в Уголовном кодексе, 2) что продолжаю борьбу против дозировки, 3) ввожу и поощряю “самое нелепое

⁴³ В данном случае А.Я. Вышинский имел в виду третий тезис из Постановления Коллегии Наркомюста от 9 июня 1927 г., в котором дословно говорилось: «Классовый характер общественных отношений, характеризующих до сих пор и советскую действительность, дал возможность буржуазной защите использовать предоставляемые УПК формальные гарантии для избавления классовых противников революции от пролетарской репрессии, в особенности, по делам о хозяйственных преступлениях, отчасти о должностных преступлениях и по всем делам о контрреволюционных преступлениях». На основании этого вывода Наркоматом юстиции РСФСР и было принято решение о «коренном пересмотре» УПК, который позволил бы «дать процесс гибкий, лишенный всякой формалистики и в то же время обеспечивающий обе основные цели: жесткость репрессии по отношению к классовым врагам и поддержание через суд общественно-правовой дисциплины среди трудящихся» (Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокола № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.). С. 1472.

⁴⁴ *Вышинский А.Я.* Реформа уголовно-процессуального законодательства // Советское государство. 1934. № 6. С. 46.

правотворчество”, в итоге чего появляются юридические конструкции, способные только “сбить местных работников юстиции с толку”»⁴⁵. В свою очередь Вышинский, раскрывая суть своего спора с Крыленко, указывал, что их разногласия касаются трех вопросов: «1) Вопросы о твердых составах, 2) вопроса о дозировке и дробности наказания и 3) вопроса о двух процессах или об едином процессе»⁴⁶.

В действительности разногласия между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР, проявившиеся особенно ярко после мая 1935 года, были расхождением значительно более глобального характера. Конфликт между этими людьми по вопросам, казалось бы, чисто юридическим, был по своему глубинному смыслу столкновением между прошлым и будущим Советского государства. Н.В. Крыленко выступал за продолжение революции и гражданской войны или, во всяком случае, считал, что они продолжаются, поэтому старался органы юстиции, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы приспособить для более эффективной борьбы с классовыми врагами. Вышинский же хотел окончательного прекращения революции и гражданской войны, поэтому стремился привести следственную, судебную и прокурорскую деятельность в состояние, присущее нормальному государству.

В докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» А.Я. Вышинский утверждал: «В настоящее время мы больше, чем когда бы то ни было должны требовать, чтобы наказания, которые мы выносим, соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»⁴⁷.

Крыленко в своем ответе на критику Вышинского привел данное высказывание прокурора СССР, но лишь для того, чтобы выразить свое несогласие с призывом назначать только такие наказания, которые

⁴⁵ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 9.

⁴⁶ Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

⁴⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 12.

соответствуют индивидуальному вреду, причиненному преступником. Задав риторические вопросы, он довольно категорично высказал мнение о том, какой должна быть судебная политика Советского государства: «Вреду или опасности? Ведь в этом гвоздь. Наказания должны соответствовать опасности этого человека, или должны соответствовать (быть пропорциональными) вреду, который этот человек нанес? Ведь это же вещи совершенно разные. Увы ясного ответа т. Вышинский не дает.

Никогда я не охаивал советской судебной политики, если она строила свои приговоры, исходя из индивидуальных особенностей преступления, из индивидуальных особенностей каждого совершившего преступление. Но я всегда боролся и буду бороться против дробности наказания, мотивированной буржуазной схоластикой теории возмездия, хотя также никогда не сводил всякую дробность к этой буржуазной схоластике.

В этом суть вопроса. В этом коренная разница. “Кажинный раз” на этом самом месте сбиваются и спотыкаются все те, которые не хотят видеть коренной принципиальной разницы между обеими постановками и которые поэтому в судебной практике скатываются систематически к теории возмездия-отмщения за причиненный вред – вместо отыскания методов борьбы сообразно выявившейся опасности данного человека»⁴⁸.

В отличие от Вышинского, выступавшего за то, чтобы наказания соответствовали **вреду, причиненному преступником**, Крыленко считал, что наказания должны зависеть от **опасности преступника как человека**. Данный принцип назначения наказаний доминировал в уголовно-правовой идеологии и карательной политике Советского государства в первые годы его существования. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», утвержденные Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР 12 декабря 1919 г., провозглашали: «При определении *меры воздействия* на совершившего преступление, суд оценивает *степень и характер (свойство) опасности для общежития*

⁴⁸ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 11.

как самого *преступника*, так и совершенного им *деяния*»⁴⁹. Преступлением в этом документе называлось «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений», т.е. признак вины совершенно не учитывался. Соответственно наказание трактовалось как «оборонительная мера» или как «те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»⁵⁰. Пункт 10 «Руководящих начал» предписывал и объявлял: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины»⁵¹.

С тех пор, как была сформулирована приведенная доктрина преступления и наказания, прошло шестнадцать лет. Советское государство окончательно сложилось как механизм властвования, как аппарат управления. Действовавшее в нем уголовное законодательство отошло от основных постулатов революционной, военизированной доктрины преступления и наказания. Тем не менее Крыленко продолжал их исповедовать: в его речах и статьях отражался все тот же взгляд на преступление и наказание, который был выражен в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года. Таким образом, спор Н.В. Крыленко с А.Я. Вышинским по вопросам преступления и наказания был в сущности своей столкновением двух советских доктрин уголовного права: первоначальной, присущей Советскому государству эпохи становления, которая пришлась на годы гражданской войны; и зрелой, утверждавшейся в первой половине 30-х годов XX века, которая соответствовала Советскому государству, вышедшему из состояния гражданской войны.

⁴⁹ Постановление Народного Комиссариата Юстиции «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». 12 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 66. С. 842.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

Продолжая полемику с А.Я. Вышинским, Н.В. Крыленко становился все более категоричным и открытым в выражении своих взглядов. Он вел научную по своему содержанию дискуссию с прокурором СССР так, будто боролся с классовым врагом. Не сумев удержаться от политической оценки своего оппонента, Николай Васильевич использовал в споре слова «либерал», «либеральный». Для истинного и неистового большевика-революционера эти определения были равнозначны выражению «классовый враг».

Наиболее резкую отповедь со стороны Крыленко вызывали призывы прокурора Союза ССР строго следовать закону при возбуждении и рассмотрении уголовных дел. «Нельзя допустить, чтобы граждан привлекали к суду за такие преступления, которые не обозначены в законе»⁵², — говорил Вышинский в своем докладе 19 мая 1935 года. «Ведь закон имеет один смысл, одно содержание — точное. Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон»⁵³, — утверждал Андрей Януарьевич в последующей своей статье, содержащей новую критику взглядов Крыленко.

Николай Васильевич считал приведенные высказывания Вышинского самым большим его прегрешением в области юриспруденции. Он даже процитировал их в своей критической статье, чтобы решительно от них отмежеваться. «Я обвиняю его в **либерализме**, — пояснял нарком юстиции РСФСР свою позицию в споре с прокурором СССР, — не в связи с оспариванием им теории об ориентировочных составах и не в связи якобы с непризнанием им теории об ориентировочных составах и не в связи якобы с непризнанием им принципа аналогии. Я бросал ему упрек в либерализме за выставление им буржуазного **либерального**

⁵² Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 11. Советская юстиция. 1935. № 18. С. 7.

⁵³ Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 5. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 29.

принципа: *“nullum crimen, nulla poena sine lege”*⁵⁴, как основного принципа нашей политики. Вот в чем я обвиняю т. Вышинского. В том, что он вводит в нашу политику в качестве основного принципа **неправильный либеральный принцип**, который нет нужды вводить и введение которого только запутает нас и будет нам мешать в нашей практике»⁵⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Резкое неприятие со стороны Крыленко данного уголовно-правового принципа было неслучайным. Он разрушал революционную доктрину преступления и наказания, от которой Николай Васильевич не желал отказываться. Вышинский же полагал, что без принятия этой доктрины невозможно установить и поддерживать надлежащий правопорядок в любом, в том числе и в социалистическом государстве. Полемизируя с Вышинским, Крыленко не скрывал, что отвергает принцип «нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона» прежде всего потому, что он противоречит революционной доктрине уголовного права, сложившейся в первые годы существования Советского государства. Свое суждение на сей счет он выразил в предельно категоричной форме: **«Можно и должно сейчас в нашу эпоху подчеркивать значение незыблемости закона. Можно и должно в нашу эпоху вести борьбу за максимально точное его применение. Можно и должно для этого соответственно и своевременно изменять и уточнять наш уголовный закон. Но нельзя класть в основу нашей уголовной политики, как абсолютный принцип ее построения, формулированный выше т. Вышинским буржуазный принцип “nullum crimen, nulla poena sine lege”.** Нельзя колебать наши основные установки

⁵⁴ Дословно: «Нет преступления, нет наказания — без закона». Н.В. Крыленко давал еще и такой перевод данного изречения: «Нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона». В статье 8 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. данный принцип был выражен в следующей форме: «Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. 2-е издание, дополненное / Сост.: профессор В. А. Томсинов. М., 2018. С. 161.

⁵⁵ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 8–9.

и взгляды на существо того, что мы называем преступлением (преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе) и незачем кастрировать наши методы борьбы с преступлениями, не без успеха применявшиеся нами до сих пор.

В этом методологически-порочном подходе т. Вышинского к основным вопросам построения нашей уголовной политики и находится основное наше с ним расхождение и корень всех его ошибок»⁵⁶.

Самое примечательное в приведенном заявлении Н.В. Крыленко – это его формулировка основного принципа революционной доктрины преступления, который нарком юстиции РСФСР считал незыблемым: **«преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе»**.

На восемнадцатом году существования Советского государства этот принцип должен был восприниматься как архаизм. И Вышинский именно так его и воспринимал. Почему же тогда Крыленко рассматривал его как вполне современный и старался защитить его от любых посягательств – даже со стороны прокурора СССР?

Разгадка этой тайны проста: в отличие от Вышинского Николай Васильевич считал, что большевистская революция в нашей стране в середине 30-х годов еще не закончилась, а продолжается. Поэтому он довольно раздраженно реагировал на призывы Вышинского соблюдать законы в их точном смысле. Возражая оппоненту, Крыленко горячо утверждал: **«Наша практика не укладывается в эти его требования, не укладывается не только в силу несовершенства наших законов, очень часто отстающих от жизни, но и потому, что условия нашей, еще не завершенной нами революции таковы, что мы не можем провозглашать этот принцип, не связывая себя этим самым без нужды, что условия нашей политической действительности таковы, что иной раз требуют применения закона с отступлением от его текстуального толкования и очень часто требуют применения не той**

⁵⁶ Там же. С. 10.

статьи, под которую прямо подпадает данное преступление при опять-таки текстуально-точном толковании закона. **Политическая линия судебной политики при этом остается правильной, хотя формально-логическое толкование закона страдает»⁵⁷.**

Публикуя статью, которая содержала приведенное высказывание, Н.В. Крыленко уже принял решение прекратить полемику с А.Я. Вышинским. Поэтому назвал ее «Точки над “и”». «У меня нет охоты дальше спорить с Вышинским, — заявил он в самом начале своей публикации. — Есть спор и спор. Есть спор, из которого, как говорили древние, рождается истина, и есть спор, который только затемняет. Это бывает тогда, когда вместо спора по существу уходят от принципиальных вопросов, создавая в то же время видимость якобы серьезной аргументации»⁵⁸.

В ответ на указанную статью Вышинский опубликовал краткую, всего на одной странице, заметку, в которой объявил, что три вопроса, по поводу которых шел спор, по существу, разрешены не в пользу т. Крыленко. В качестве пояснения к этому утверждению Андрей Януарьевич заметил: «По первому вопросу о точных или неопределенных составах т. Крыленко сдал все свои позиции, прикрывшись, впрочем, ссылкой на требования нашей эпохи...

По второму вопросу о дозировке т. Крыленко фактически сдал свои позиции, даже не прикрываясь никакой эпохой.

Вопрос третий — о двух процессах — новым проектом УПК разрешен в направлении, прямо противоположном взглядам т. Крыленко.

Стоит ли после этого продолжать спор?»⁵⁹

Данный спор действительно являлся весьма странным. Оба полемиста были озабочены более изложением собственных суждений, чем надлежащим уяснением и объяснением высказываний своего оппонента.

⁵⁷ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 6.

⁵⁹ Вышинский А.Я. Вопрос действительно исчерпан // Социалистическая законность. 1935. № 12. С. 4.

Прокурор СССР утверждал, например: «Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон». Нарком юстиции РСФСР почему-то понял данное толкование закона как исключительно «текстуальное» или «формально-логическое». Но ведь Вышинский совершенно отчетливо писал о толковании законов для выявления их точного смысла, а не о текстуальном или формально-логическом их толковании.

В заметке, завершившей его спор с Николаем Васильевичем, Андрей Януарьевич подчеркнул: «Чтобы устранить всякую путаницу, повторяю, толкование закона допустимо, неизбежно и необходимо, но толкование **по смыслу**, а не по тексту. Такое толкование (**по смыслу**), конечно, дело трудное, но без преодоления этой трудности невозможно проводить правильную судебную политику»⁶⁰ (выделено мною. — В.Т.).

Закончил Вышинский свой спор с Крыленко выводом, который нельзя было не признать справедливым: «Вопросы, явившиеся предметом этого спора, столь серьезны и имеют столь серьезное значение для дальнейшего развития нашего советского права, что, независимо от наших личных вкусов и настроений, к этим вопросам нам придется еще возвращаться неоднократно»⁶¹.

3

В публицистической литературе, посвященной советскому обществу 1930-х годов, всецело доминирует тема «массовых репрессий». 1936 год считается временем их начала — своего рода прологом к периоду, охватывающему весь 1937-й и первую половину 1938 года, на который пришлось наибольшее количество репрессированных.

Для такого взгляда есть определенные основания. Архивные документы показывают, что в 1936 году было арестовано 88873

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

советских гражданина, из них 1118 было расстреляно. В 1937 году количество арестованных составило уже 918671, из которых расстреляно было 353074 человека. В 1938 году аресту подверглось 629695 граждан, расстрелом окончили свою жизнь 328074 человека. На 1939 год пришлось 41627 арестованных и 2601 расстрелянных⁶².

Приведенные цифры действительно заставляют смотреть на 1936 год как на время начала «массовых репрессий». Однако если мы ограничимся этим взглядом, то ничего не поймем в их подоплеке и не сумеем разобраться в подлинном смысле этого страшного для любого общества и государства феномена.

Год 1936-й был примечательным не только с точки зрения явления, называемого «сталинскими» или «массовыми» репрессиями. Он оказался во многих отношениях судьбоносным для нашей страны. В течение его произошли события, определившие характер всей дальнейшей эволюции советского общества.

Во-первых, был завершен процесс становления **экономической основы** социалистического государства, обеспечивающей его независимость и возможность самостоятельного развития. Отчеты Народного комиссариата финансов СССР об исполнении государственного бюджета показывают, что 1936 год стал наиболее успешным для экономики Советского Союза за все четырнадцать лет, прошедшие с момента его образования. Заметно возросла ее прибыльность⁶³. Небывалыми темпами стало расти производство

⁶² Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 317.

⁶³ «План накопления в 1936 г. был перевыполнен. Общая сумма прибылей социалистического хозяйства при составлении государственного бюджета 1936 г. была предусмотрена в размере 11, 3 млрд. руб., фактически же она составила 14, 5 млрд. руб. Утвержденный ЦИК СССР план отчислений от прибылей перевыполнен на 512 млн. руб., или на 16%. По сравнению с 1935 г. Отчисления от прибылей возросли на 78, 6%» (Из объяснительной записки к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1936 г. // Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. М., 1971. С. 124).

продукции во всех отраслях промышленности⁶⁴. Началось формирование военно-промышленного комплекса, способного разрабатывать и выпускать передовое вооружение для сухопутной армии, авиации и флота⁶⁵.

Во-вторых, была создана **конституционная основа** для формирования политической системы демократического типа. 5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР, предполагавшую переход советской государственности в зрелое состояние, воплощением которого должно было стать общенародное государство. Первый раздел действовавшей прежде Конституции 1924 года содержал «Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик», в которой фактически провозглашался курс на мировую революцию. Декларация завершалась заявлением о том, что новое союзное государство «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»⁶⁶. Новая Конституция СССР ничего подобного не содержала и содержать не могла. Это была конституция, направленная не на мировую революцию, а на укрепление советского социалистического государства.

И.В. Сталин в своем докладе о проекте Конституции Союза ССР, сделанном в первый день работы Чрезвычайного VIII съезда Советом, считал необходимым подчеркнуть: «Составляя проект новой Конституции, Конституционная Комиссия исходила из того, что

⁶⁴ Валовая продукция тяжелой индустрии выросла в 1936 г. на 33,1% по отношению к предыдущему году, а производительность труда — на 26% (Там же. С. 128). Легкая промышленность дала прирост продукции по сравнению с 1935 г. на 34,5% (Там же. С. 130). Заметно выросло и производство продуктов питания. Согласно отчету Наркомата финансов СССР об исполнении государственного бюджета за 1936 г., продукция Наркомата пищевой промышленности увеличилась по сравнению с 1935 г. на 27,7% (Там же. С. 132).

⁶⁵ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 104.

⁶⁶ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (Утвержден II съездом Советов Союза ССР). 31 января 1924 г. М., 1924. С. 5.

конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего... Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»⁶⁷.

Общенародный характер Конституции СССР 1936 года юридически выразился в предоставлении всем гражданам равных избирательных прав. И.В. Сталин говорил по этому в своем докладе, что буржуазные конституции «говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п. Особенность проекта новой Конституции СССР состоит в том, что он свободен от подобных оговорок и ограничений. Для него не существует активных или пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, “оседлыми” и “неоседлыми”, имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе»⁶⁸.

⁶⁷ Доклад тов. Сталина И.В. на Всесоюзном VIII Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР. 25 ноября 1936 г. // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. М., 1936. С. 14–15. Текст данного стенографического отчета составлен из бюллетеней заседаний, каждый из которых имеет свою нумерацию страниц.

⁶⁸ Там же. С. 17.

Статья 30 новой Конституции определила, что «высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР». Статья 32 установила, что «законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР». Данный орган делился на две палаты: Совет Союза и Совет Национальностей. Депутаты обеих палат должны были избираться гражданами СССР сроком на четыре года.

Статьи со 135 по 140 установили, что выборы депутатов являются всеобщими, равными, прямыми, а голосование — тайным. Сталин решительно выступил против поправки, предлагавшей «лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудов, или же, во всяком случае, — ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными»⁶⁹. «Я думаю, — сказал он, — что эта поправка должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не навеки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время»⁷⁰.

В-третьих, следует отметить, что 1936 год в истории СССР стал примечательным не только принятием новой советской конституции. По замыслу Сталина новая конституционная основа Советского государства должна была обеспечить серьезное обновление его **кадровой основы**, а именно: формирование в СССР нового правящего слоя, способного беспрекословно и эффективно выполнять

⁶⁹ Там же. С. 31–32.

⁷⁰ Там же. С. 32.

команды, исходящие от высших партийных и государственных органов, строго соблюдать советские законы.

Дело в том, что в 1930-е годы основные должности в партийном и государственном аппарате замещались большевиками-революционерами, завоевавшими авторитет среди рядовых членов коммунистической партии еще во времена подпольной борьбы и в тяжелые для советской власти годы гражданской войны. Поэтому произвести кадровое обновление ускоренными темпами, заменив людей, носивших почетное звание «старых большевиков», на других управленцев, даже более образованных и способных эффективнее проводить в жизнь политику руководства ВКП (б) и Советского государства, было чрезвычайно трудно.

И.В. Сталин сначала пытался решить эту задачу посредством альтернативных выборов, ввести которые он предполагал вместе с принятием новой Конституции СССР. Этот замысел был раскрыт им в интервью, данном 1 марта 1936 года председателю газетного объединения США «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господину Рою Говарду.

Завершая интервью, американский корреспондент задал Сталину следующий вопрос: «В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?» Иосиф Виссарионович ответил: «Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будут выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, Точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых

капиталистами рабочих. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации»⁷¹.

Объяснив далее господину Рою Говарду, почему выборы по новой конституции будут «всеобщими», «равными» и «прямыми», Сталин сказал: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. **У нас немало учреждений, которые работают плохо.** Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, **отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры.** Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. **Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу.** Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁷² (выделено мною. — В.Т.). Данное интервью было напечатано 5 марта 1936 года в газете «Правда» и в других периодических изданиях.

Предполагая осуществить обновление кадрового состава Советского государства путем выборов, проводимых на основе новой Конституции СССР, Сталин понимал, что его противники из категории «старых большевиков» никогда не смирятся с

⁷¹ Сталин И.В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Рой Говардом 1 марта 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. С. 111.

⁷² Там же. С. 112.

отстранением их от власти и, лишённые значимых партийных и государственных постов посредством демократических процедур, будут стремиться восстановить свои позиции путем заговора, государственного переворота, физического уничтожения руководителей ВКП (б). В речи перед выпускниками военных академий, произнесенной 4 мая 1935 года, Сталин говорил о таких деятелях: «Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: **они угрожали кое-кому из нас пулями**»⁷³. Очевидно, что бывшие вожди большевиков – такие, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, имели немало своих сторонников в партии и на государственных постах, в том числе в армии, что позволяло им и после отстранения от власти сохранять определенное влияние на государственную политику, а также плести сети заговора, готовить государственный переворот.

Соратник И.В. Сталина член Политбюро ЦК ВКП (б) Лазарь Моисеевич Каганович, касаясь обстановки, существовавшей в коммунистической партии и Советском государстве во второй половине 1920-х и в первой половине 1930-х годов, рассказывал публицисту Ф.И. Чуеву: «Иметь в условиях нашего окружения капиталистического столько правительств на свободе, ведь они все были членами правительств – троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было – это было очень опасно и невозможно. Три правительства могло возникнуть из противников Сталина... Кто же мог поверить, что старые, опытные конспираторы, используя весь опыт большевистской конспиративности и большевистской кооперации, и подпольной организации, что эти люди не будут между собой связываться и не будут составлять организацию? Они составляли организацию... Они организовывали восстания против Советской власти, и возглавили бы восстание. Весь метод Ленина борьбы против буржуазного правительства они

⁷³ Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии. 4 мая 1935 г. // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. М., 1997. С. 60.

использовали и могли использовать против нашего правительства, против нас. И в армии они имели своих людей, и всюду имели своих людей. Они создали распространенную цепь организаций. И докладывали друг другу, и связь организовали. Бухарин с Каменевым встречался, беседовали, разговаривали о политике ЦК и прочее. Как же можно было их держать на свободе? Говорят, мол, как они могли с иностранными государствами связываться? Так они рассматривали себя как правительство, как подпольное нелегальное правительство. Неустойчивое, но правительство. И шли на это»⁷⁴.

Как бы то ни было, к 1936 году у Сталина и его соратников сложилось стойкое убеждение в необходимости применения по отношению к «старым большевикам», выступавшим против государственной политики, бескомпромиссных репрессивных мер. В этой связи совсем не случайным событием стал судебный процесс по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре», проходивший в Москве с 19 по 24 августа 1936 года. В рамках его к уголовной ответственности за совершение тягчайших государственных преступлений, предусмотренных статьями 58⁸ и 58¹¹ действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР, то есть за подготовку и совершение террористических актов, «направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций», были привлечены шестнадцать политических деятелей. Всех обвиняемых по этому делу рассматривавшая его Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила к расстрелу. 25 августа данный приговор был приведен в исполнение. Среди расстрелянных оказалась группа известных большевиков, занимавших прежде высокие партийные и государственные должности, а именно: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов. Таким образом, угрозы Сталина в адрес партийных вельмож, игнорировавших советские законы и указания руководящих органов ВКП (б), которые он неоднократно высказывал в предыдущие годы, начали осуществляться самым жестоким образом.

⁷⁴ Чувев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 138-139.

Месяц спустя после завершения процесса по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» произошло событие, показавшее, что у руководства ВКП (б) есть намерение подготовить и провести против партийных вельмож новые судебные процессы. 25 сентября 1936 года Сталин и Жданов, отдохавшие в то время в Сочи, сообщили шифрованной телеграммой в Москву Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП:

«Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Заком Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягodu. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно»⁷⁵.

В четвертом пункте данной телеграммы рекомендовалось оставить Ежова по совместительству председателем КПК «с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу»⁷⁶. В пятом и шестом пунктах сообщалось, что Ежов с этими предложениями согласен и что он остается секретарем ЦК. Сталин явно возлагал на нового руководителя наркомата внутренних дел какие-то очень большие надежды.

Политбюро ЦК ВКП (б) не замедлило со своим решением. 26 сентября Н.И. Ежов был рекомендован к назначению на пост наркома внутренних дел. При этом его оставили на высоких партийных должностях – секретаря ЦК и председателя КПК при ЦК ВКП (б). Спустя три дня Политбюро приняло путем опроса своих членов постановление, утвердившее следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам: «а). До

⁷⁵ Сталин, Жданов – Кагановичу, Молотову. 25 сентября 1936 года // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 682–683.

⁷⁶ Там же. С. 683.

последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. б). В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы»⁷⁷.

В выработке текста этого документа участвовал и новоявленный нарком внутренних дел Н.И. Ежов. Пребывая в охотничьем азарте, он предложил добавить к нему третий пункт: «В общей сложности расстрелять не менее тысячи человек. Остальных приговорить к 10–8 годам заключения плюс столько же лет ссылки в северные районы Якутии». Однако Политбюро не согласилось с этим странным предложением.

* * *

Прокурор СССР А.Я. Вышинский не остался в стороне от всех этих событий. Он дважды выступил с докладами о проекте новой Конституции СССР (на Всесоюзном прокурорском совещании 13 июля 1936 г. и на Чрезвычайном VIII съезде Советов 27 ноября 1936 г.)⁷⁸. А на августовском судебном процессе по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» Андрей

⁷⁷ Постановление ЦК ВКП (б) № П 43/305 от 29 сентября 1936 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Фонд 17. Оп. 163. Д. 1124. Л. 55.

⁷⁸ См.: *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 6–23. Речь прокурора Союза ССР т. А.Я. Вышинского о проекте Конституции // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 5. М., 1936. С. 14–22. Также см.: Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 32–35.

Януарьевич произнес обвинительную речь в качестве государственного обвинителя⁷⁹.

Все выступления прокурора СССР показывают, что он хорошо понимал подлинный смысл речей и действий Сталина. Вышинский ясно видел антиреволюционный характер сталинской политики, ее противоречие с большевистскими революционными идеалами или, во всяком случае, несовместимость с ними. Но такая политика не вызывала и не могла вызывать с его стороны какого-либо неприятия. Она в полной мере отвечала взглядам и настроениям самого Вышинского.

Новая советская Конституция таила в своем содержании юридические механизмы, позволявшие обуздать своеволие партийных вельмож. Вышинский как прокурор СССР становился после введения ее в действие значительно более влиятельным должностным лицом, чем являлся прежде.

Первоначальный текст проекта данной конституции был составлен к марту 1936 года. В течение апреля и первой половины мая шла его доработка. В результате получился «Предварительный проект Конституции СССР». 15 мая 1936 года он был одобрен конституционной комиссией и передан на утверждение в ЦК ВКП (б). 11 июня проект новой Конституции СССР утвердил Президиум ЦИК СССР. После этого он был опубликован во всех газетах страны и издан в виде брошюр на 100 языках народов СССР тиражом более 70 миллионов экземпляров. Началось его всенародное обсуждение⁸⁰.

А.Я. Вышинский принял в этом процессе самое активное участие.

Своему докладу о новой советской Конституции, прочитанному 13 июля 1936 года на Всесоюзном прокурорском совещании, Андрей Януарьевич дал весьма примечательное название «Сталинская

⁷⁹ Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра государственного обвинителя, прокурора СССР А.Я. Вышинского, произнесенная в судебном заседании Военной Коллегии верховного Суда СССР 22 августа 1936 г. // Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 6–23.

⁸⁰ О том, что обсуждение проекта новой конституции СССР было совсем не формальным, свидетельствует неимоверно большое количество предложенных поправок в его текст — более двух миллионов.

Конституция и задачи органов юстиции». Сделал он это явно не случайно. Проект новой Конституции СССР был представлен им в качестве документа, отразившего победу той политики, которая на протяжении последних лет неуклонно и настойчиво проводилась коммунистической партией и ее вождем И.В. Сталиным. Любопытно, что прокурор СССР дважды упомянул в своем докладе интервью Сталина Рою Говарду, процитировав высказывания вождя о сущности советской демократии.

Содержание доклада Вышинского показывает, что разработанный по инициативе и при участии Сталина проект новой Конституции СССР подвергался ожесточенным нападкам со стороны большевикореволюционеров. Весь доклад прокурора СССР представлял собой в сущности лишь ответы на упреки, которые высказывались старыми партийцами в адрес данного проекта.

Провозглашенные новой советской Конституцией всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании воспринимались большевиками-революционерами как отход от идеи пролетарской диктатуры, предполагавшей предоставление полных избирательных прав только представителям рабочего класса. Стремясь развенчать это мнение, Вышинский заявлял: «Делают громадную ошибку те, кто представляет себе, что проект новой Конституции говорит не об укреплении, не о дальнейшем развитии мощи и силы советского государства, именно как государства пролетарской диктатуры, — те, которые представляют себе, что принципы пролетарской демократии, нашедшие себе в проекте Конституции свое величайшее выражение, в какой бы то ни было степени ограничивают принцип пролетарской диктатуры, в какой бы то ни было мере находятся с этим принципом в противоречии. Ведь только на основе победы пролетарской диктатуры оказалось возможным внести в нашу ныне действующую Конституцию такие изменения, которые предполагается внести в нее утвержденным Президиумом ЦИК Союза для внесения на Всесоюзный съезд советов проектом Конституции. Диктатура пролетариата и ничто иное обеспечило Советской стране победы,

породившие проект новой Конституции, дающие нам самую демократическую конституцию в мире»⁸¹.

Объясняя отказ от ограничения избирательных прав, наделение новой советской конституцией всех граждан СССР равными избирательными правами, Вышинский ссылаясь в первую очередь на изменившиеся общественные и экономические условия. «Неправильно представление, — говорил он, — что пролетарская демократия всегда, во всех условиях, при всех условиях своего развития должна характеризоваться теми ограничениями, которые в отношении избирательных и гражданских прав отдельных категорий граждан были установлены Конституцией в начале нашей революции. Думающие так не понимают, что эти ограничения были вызваны тогдашними условиями, характером и особенностями классовой борьбы. Проект новой Конституции отменяет эти ограничения как потерявшие всякий политический смысл в новых условиях, в бесклассовом социалистическом обществе»⁸². В дальнейшем изложении своего доклада прокурор СССР снова и снова обращался к этой теме, чтобы затвердить мысль: «Ограничение в избирательных правах или полное лишение избирательных прав отдельных категорий населения для пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, является исторической необходимостью, а не принципом *sine qua non* (абсолютным условием). Меняется историческая обстановка, меняются исторические условия, меняется и решение этого вопроса»⁸³.

Вышинский отвергал всякие попытки представить новый проект Конституции СССР как шаг, возвращающий советскую страну к буржуазному строю, и призывал проявить снисходительность к тем представителям бывших эксплуататорских классов, которые ничем уже не отличались от простых трудящихся. «Буржуазии в Союзе ССР уже нет, — говорил он. — Это просто “бывшие люди”, которые разгромлены как класс, лишены всякой экономической почвы, уходят

⁸¹ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 6.

⁸² Там же. С. 3.

⁸³ Там же. С. 9.

как класс в вечность. В таких условиях нет необходимости устанавливать ограничения, которые могли бы помешать этим людям стать в ряды трудящихся, строящих новое социалистическое общество»⁸⁴.

Защищая сталинский проект конституции от нападков большевиков-революционеров, Вышинский утверждал, что его «величайшей особенностью» является «принцип подлинного верховенства советского народа»⁸⁵. В доказательство своего утверждения он приводил статьи конституции, провозгласившие принцип сосредоточения законодательной власти в руках Верховного Совета Союза и Верховных Советов союзных республик. «Ни один орган власти, — подчеркивал он, — не обладает законодательными функциями — ни Президиум Верховного Совета, ни Совнарком, ни тем более отдельные наркоматы. Президиум Верховного Совета имеет лишь право толковать законы, издавая указы, толковать действующие законы, но никаких новых законов Президиум Верховного Совета издавать не может. Совнарком Союза и СНК союзных республик по будущей Конституции не имеют даже права толковать законы. Они имеют право лишь издавать постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и в соответствии с действующими законами. Наркомы имеют право издавать приказы и инструкции в пределах своего ведомства и тем самым лишаются полномочий, которые могли бы напоминать законодательные функции. Это — особенность для юристов в высокой степени важная, над ней необходимо юристу серьезно задуматься. В этом отношении проект Сталинской конституции представляет собою громадное новшество по сравнению с конституциями прошлых лет... Ни одна из Конституций, ранее существовавших в нашем советском государстве, не ставит так вопроса о роли и месте советского закона»⁸⁶.

А.Я. Вышинский много раз упоминал в своем выступлении имя Сталина и не упускал повода высказать в адрес вождя хвалебные слова, но в этих восхвалениях он был вполне искренним. Проект

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 11.

⁸⁶ Там же. С. 12-13.

новой советской Конституции, не без основания названный прокурором СССР «сталинским», воплощал идеи, в полной мере соответствовавшие его мировоззрению. Эти идеи он высказывал и отстаивал в своих речах, статьях и книгах.

4

А.Я. Вышинский не был доктринером, бездумным приверженцем каких-либо теорий. В своих выступлениях он часто цитировал высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, но делал это, как правило, лишь для придания большей убедительности собственным выводам. Оценивая проект новой советской конституции, Андрей Януарьевич исходил не из марксистско-ленинских догм, а из реального состояния советского общества и содержания статей Основного Закона.

В докладе о новой советской Конституции, прочитанном 13 июля 1936 году на Всесоюзном прокурорском совещании, прокурор СССР уверенно констатировал: «Ни одна из конституций, ранее существовавших в нашем советском государстве, не ставит так вопроса о роли и месте советского закона.., как это мы встречаем в проекте Сталинской Конституции»⁸⁷. «Новая конституция, — пояснял Вышинский далее, — является свидетельством полной победы принципа непоколебимости, незыблемости и единства советского закона»⁸⁸. В обоснование этого вывода Андрей Януарьевич привел целый ряд статей проекта Конституции СССР, в которых имелись прямые указания на регулирующее действие закона. В частности, он обратил внимание на текст статьи 9 проекта новой советской Конституции, гласивший «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда». Оценивая данную статью, Вышинский заметил, что ее вполне можно было сформулировать таким образом, чтобы упоминание о законе отсутствовало, между тем она была

⁸⁷ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 13.

⁸⁸ Там же. С. 14.

сформулирована так, что «не просто наряду с социалистической системой хозяйства допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей; она подчеркивает, что хозяйство это допускается законом»⁸⁹. Слово «закон», утверждал Вышинский, было вставлено здесь не случайно, но прежде всего для того, чтобы поставить «законные пределы действию права частного хозяйства». По его словам, это означало, что «мелкое частное хозяйство можно иметь лишь при наличии условий или в пределах, которые очерчиваются законом»⁹⁰.

Кроме того, Вышинский обратил внимание на употребление термина «закон» также в статьях Конституции СССР, касавшихся деятельности Советов народных комиссаров, Советов депутатов трудящихся и других государственных органов. В этих статьях устанавливалось, что компетенция всех государственных органов «определяется с точки зрения действующего закона»⁹¹. Все это, по мнению прокурора СССР, свидетельствовало о том, что «закону в новой Конституции отводится громадная роль, как организующей, регулирующей общественные отношения силой, как силой, которая является одним из важнейших рычагов государственного строительства, организации общественных и политических отношений»⁹².

По своей должности Вышинский был призван служить закону. Прокурорские работники — это, по его собственным словам, «носители идеи советского закона», «хранители» советских законов. Неудивительно поэтому, что при рассмотрении проекта новой советской Конституции он придавал особое значение закреплению в его статьях принципа законности. Однако Андрей Януарьевич смотрел на данный проект еще и с точки зрения ученого правоведа. Он увидел в его содержании идеи, создававшие основание для новой научной юриспруденции, — идеи, придававшие праву и закону самостоятельную роль, значение фундаментальных устоев

⁸⁹ Там же. С. 13.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

социалистического общества. По мнению Вышинского, новая Конституция СССР знаменовала собой окончательный отход от доминировавшего в советской юридической литературе двадцатых и первой половины тридцатых годов пренебрежительного отношения к праву, правового нигилизма в самой агрессивной его форме.

Наиболее отчетливо такие настроения выражали правоведы Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962) и Константин Андреевич Архипов (1891–1939). Именно к их работам и обратился Вышинский, чтобы показать, с какими опасными извращениями в советской юриспруденции порывала новая советская Конституция.

А.Г. Гойхбарг опубликовал в 1924 году книгу «Основы частного имущественного права», предпослав ее основному тексту главу «Несколько замечаний о праве». Данная глава была в том же году опубликована им и отдельно, в журнале «Советское право». Это явно свидетельствует о том, что автор придавал высказанным в ней идеям особое значение. В то время он был профессором кафедры частного права факультета общественных наук 1-го Московского университета.

Опираясь на методологию классового подхода к общественным явлениям, Александр Григорьевич заявлял: «Религия и право — идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. И если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то еще в гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетариат знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа... Право моложе религии и потому бороться с идеей права, которая служит интересам эксплуататорского класса, гораздо труднее, чем с религиозными идеями. Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая. Право — следующее убежище для эксплуататорских классов после убежища религии. Лишившись последнего, эти классы

тем охотнее укрываются в первом»⁹³. Подводя же итог своим рассуждениям о праве, Гойхбарг утверждал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов»⁹⁴.

Характеризуя подобные взгляды, А.Я. Вышинский не стеснялся в выражениях: «По Гойхбаргу выходит так, что право вообще, всякое право, и значит и советское право, служит интересам эксплуататорских классов. Это абсурд. Проф. Гойхбарг говорит: “Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая”. Удивительное явление! Член коллегии Наркомата юстиции — в роли пропагандиста против права!... В этом рассуждении мы встречаемся с полным смешением понятий и отличий права буржуазного от права советского. Утверждение, что право вообще является убежищем для эксплуататоров и в силу этого необходимо бороться с идеей права и с правом вообще, в этой всеобщей форме ошибочно и политически вредно. Это, конечно, чепуха, против которой нужно решительнейшим образом возражать. Это утверждение дает основание для извращенного представления о советском праве, о том, что собой представляет советский социалистический закон, оно вызывает и неправильное отношение к советскому праву и к советскому закону — отношение наплеватьства и нигилизма к требованиям закона, в нашей практике — игнорирование требований уголовно-процессуальных и уголовных законов. Неправильное понимание роли и значения советского права, непонимание отличия права советского от права буржуазного, недооценка роли советского права и советского закона, как силы революционизирующей, как силы творческой, это

⁹³ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1 (7). С. 3. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 7.

⁹⁴ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве. С. 11–12. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. С. 22.

непонимание и недооценка влекут за собой ряд тяжелых последствий»⁹⁵.

К.А. Архипов в 1926 году издал книгу «Закон в советском праве», в которой представил закон как таковой в качестве идеологической формы буржуазной экономики и соответственно в советском законе увидел всего лишь выражение сохраняющихся в советском государстве буржуазных экономических отношений. «Не надо быть особенно внимательным и чутким, — писал он в начале указанной книги, — чтобы признать, что закон и законность не составляли и не составляют одну из патетических нот режима пролетарской диктатуры: иные начала составляют его *essentiale*, иные принципы вдохновляют его творчество. Закон и законность в управлении играют свою роль в рабочем государстве, но это роль инструмента, а отнюдь не идеала или боевого лозунга. Очевидно, что в государстве, для которого роль “*Contrat social*”⁹⁶ играют “Государство и революция” и “Пролетарская революция”⁹⁷ с чеканным определением диктатуры как власти, не связанной никакими законами, какое-либо фетишизирование закона и законности без извращения основных принципов этого государства невозможно. В соответствии с этим исследователь, поставивший своей задачей уяснить понятие и роль закона в советском государстве, если он желает дать понятие, адекватное предмету, должен заранее исходить из сознания ограниченности, обусловленности и подчиненности того, что он исследует, иным началам»⁹⁸.

А.Я. Вышинский оценил эти мысли как чрезвычайно вредные. процитировав в своем докладе о новой советской Конституции вышеприведенные высказывания К.А. Архипова о законе и законности в условиях пролетарского государства, он заявил: «Против подобной точки зрения нужно решительно предостеречь, нужно

⁹⁵ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 14-15.

⁹⁶ К.А. Архипов подразумевает трактат Жан-Жака Руссо «*Du contrat social, ou principes du droit politique* (Об общественном договоре, или принципы политического права)», вышедший первым изданием в Амстердаме в 1762 г.

⁹⁷ Имеются в виду брошюры В.И. Ленина «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский», опубликованные в 1918 г.

⁹⁸ Архипов К.А. Закон в советском государстве. М.-Л., 1926. С. 7.

было бы предостеречь и 10 лет тому назад». Вместе с тем Андрей Януарьевич подчеркнул, что «Архипов⁹⁹ грубо извращает учение Маркс-Ленина-Сталина по вопросу о государстве. Архипов совершенно не понимает, что управление экономикой осуществляется и через законы и при помощи законов, что закон как орган, как инструмент, как орудие управления играет громадную роль, в особенности в таком сложном хозяйстве, каким является наше хозяйство, в такой огромной стране, какой является наша страна»¹⁰⁰.

Наиболее резкую отповедь со стороны Вышинского вызвали взгляды К.А. Архипова на законность и его трактовка соотношения социалистической законности и революционной целесообразности. «Материальное содержание принципа революционной законности не в том, что над всем господствуют нормы, а тем более, что эти нормы-законы проистекают только из одного источника, устанавливаются только одним органом власти, — утверждал Константин Андреевич, — а в том, что нижестоящие органы власти обязаны выполнять акты вышестоящих органов, независимо от того, нормативный это акт или индивидуальный»¹⁰¹. Под законностью Архипов понимал, таким образом, не строгое соблюдение всеми государственными органами и гражданами действующих законов, но подчинение нижестоящих государственных органов вышестоящим, а граждан — государственной власти. При этом он вполне допускал несоблюдение законов и нормативных актов. «Говоря о принципе иерархии как основном принципе советского правового режима, — заявлял К.А. Архипов, — необходимо иметь в виду, что он является таковым лишь при том неременном условии, что акты вышестоящих органов отнюдь не должны пониматься нижестоящими органами, как предел, “его же не преjdeши”. Повторяем: *fiat justitia, pereat mundus*¹⁰² больше чем ошибочное мнение в условиях советского режима. Верховным

⁹⁹ На титульном листе книги «Закон в советском государстве» фамилия автора была дана с двумя «п», т.е. как «Архиппов». В рассматриваемом докладе Вышинского она употребляется с одним «п», — как «Архипов».

¹⁰⁰ *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 15.

¹⁰¹ *Архиппов К.А.* Закон в советском государстве. С. 44–45.

¹⁰² Смысл этого латинского изречения переводится на русский язык следующим образом: «Да свершится правосудие, даже если погибнет мир».

мерилом является революционная целесообразность; если для нижестоящего органа совершенно очевидно, что обязательная для него норма, по сути дела, отнюдь не предусматривает данного случая, он вряд ли обязан ее применять. Этот принцип не зафиксирован законодательством, но вряд ли его и можно зафиксировать. Это дело такта. Однако же недаром в условиях советского режима контроль есть не только контроль с точки зрения “законности, но и контроль с точки зрения целесообразности”, и недаром вождь пролетарской революции считал главной задачей советской демократии подбор личного состава органов власти»¹⁰³.

Подвергая эти взгляды на закон и законность критике, Вышинский признавал, что за десять лет, прошедшие после издания книги «Закон в советском государстве», воззрения ее автора могли неоднократно меняться, и его обращение к данной книге продиктовано совсем не желанием обратить внимание на профессора Архипова, но тем, что утверждения о «гибкости» и «зыбкости» советских законов, как свойствах, отличающих их от законов буржуазных, «не только были в ходу в прошлом, но и до сих пор еще в ходу». «И сейчас, в наши дни, — отмечал прокурор СССР, — мы можем указать на целый ряд выступлений и высказываний, которые по сути дела воспроизводят точку зрения, отражающую недооценку роли и значения нашего закона, как одного из рычагов борьбы за социализм. Ведь до сих пор еще спорят о соотношении между законом и так называемой “революционной целесообразностью”, до сих пор еще кое-кто — и их, к сожалению, немало — думают, что революционная целесообразность — это все, закон — ничто. Конечно, так откровенно сейчас никто не рискует ставить вопрос о законе, но в контрабандном порядке такая точка зрения протаскивается нередко и в выступлениях, и, что еще хуже, в решениях отдельных судебных дел»¹⁰⁴.

Самым пагубным последствием изложенных в книге К.А. Архипова «Закон в советском праве» представлений о законе как

¹⁰³ Архипов К.А. Закон в советском государстве. С. 45.

¹⁰⁴ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 16.

абстракции, как автономии собственников, как явлению, не составляющем дело пролетарской революции, Вышинский считал подрыв уважения к советскому закону. «Нельзя, — категорично заявлял он, — пропагандировать в советском обществе подобную ересь, как нельзя расшатывать уважение к советскому закону, внедряя мысль о его гибкости, отсутствии абсолютной его обязательности и т.д. и т.п.»¹⁰⁵

Столь же негативно Андрей Януарьевич оценивал и стремление подчинить советский закон и советское правосудие принципу революционной целесообразности. «Неправильное представление о соотношении между социалистическим законом и судебским убеждением, о социалистическом законе и социалистическом правосознании, — убеждал он, — является источником путаницы в головах очень многих людей. Эта путаница приводит к наплевательскому отношению к закону, которое оправдывает возможные нарушения законов тем, якобы, что этот закон не выдерживает критики с точки зрения революционной целесообразности.

Между тем советское право отличается именно тем, что в советском праве достигнут величайший синтез этих трех начал: социалистического закона, социалистической целесообразности и социалистического правосознания. В советском праве не может быть противоречия между законом и целесообразностью, потому что советский закон и выражает то, что целесообразно с точки зрения борьбы за социализм»¹⁰⁶.

Взгляд Вышинского на право предполагал его понимание не только как регулятора общественных отношений, но и как фактора, организующего эти общественные отношения, как творческой силы, оформляющей их на основе господствующего экономического строя. Данный взгляд позволял ему относить советское право к социалистическому типу права. Новая Конституция СССР, возвышая

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

значение права и роль закона в общественной жизни знаменовала собой начало нового этапа в развитии советского права.

Вместе с тем, данная конституция открывала, по мнению Вышинского, новый этап и в развитии советской научной юриспруденции. Особенно актуальной он считал разработку на основе новой советской Конституции общей теории социалистического права. Вышинский признавал, что теория советского права еще не только не создана, но к ее созданию по-настоящему еще никто и не подошел. До сих пор не поставлена надлежащим образом проблема закона и законности в социалистическом государстве. Он высказывал поэтому убеждение, что в свете новой Конституции «проблема закона, проблема законодательства, проблема природы советских органов законодательной власти, исполнительной и судебной должна быть разработана по-новому. Подобно буржуазной науке, создавшей свою теорию разделения власти, как основную теорию, конституционную теорию, мы должны разработать свою конституционную теорию»¹⁰⁷.

Статья 14 проекта новой Конституции СССР отнесла к ведению Союза Советских Социалистических Республик «законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодекс». Вышинский считал, что тем самым был поставлен вопрос «не только о едином, общесоюзном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и вопрос о едином для всего Союза ССР гражданском кодексе». А это в свою очередь означало постановку вопроса «о коренном пересмотре ряда принципиальных вопросов и в области гражданского материального и процессуального права»¹⁰⁸.

Рисуя в своем докладе о проекте новой советской Конституции перспективу дальнейшего развития советского права и советской научной юриспруденции, Вышинский особое внимание уделил уголовному процессу, указав на вопросы, настоятельно требовавшие решения в силу того, что они были поставлены в тексте данной

¹⁰⁷ Там же. С. 17.

¹⁰⁸ Там же. С. 18.

конституции. В первую очередь он обратил внимание на изложенный в новой Конституции СССР в самой общей форме вопрос о праве на защиту. По его мнению, решение этого вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве требовало предоставления обвиняемым права на защиту и в досудебный период, т.е. до того, когда дело переходит в суд. «Я ставлю этот вопрос очень осторожно, в силу понятных и естественных причин»¹⁰⁹, — оговаривался Вышинский и далее заявлял с несвойственной ему решительностью: — Но при этой осторожности законно поставить сейчас вопрос о праве на защиту не только в том смысле, что обвиняемый может защищаться собственными силами, но в том смысле, что он может пригласить для защиты своих интересов защитника и в стадии досудебной, по крайней мере в стадии предания суду. Я не исключаю возможности поставить в ближайшее время вопрос о допущении защиты на предварительном следствии. Это может показаться еретическим, опасным, рискованным, но я готов взять на себя риск утверждения, что не исключена целесообразность, необходимость уже теперь подготовиться к тому, что в ближайшее время защита должна быть допущена, по крайней мере по определенной категории дел, или вернее по всем делам за исключением определенной категории дел, к участию и в предварительном следствии. Во всяком случае здесь целый ряд вопросов надо ставить иначе, чем это было до сих пор»¹¹⁰.

Касаясь перспектив развития гражданско-процессуального законодательства, Вышинский высказал мнение о том, что в гражданском процессе «должны быть в гораздо большей степени раздвинуты рамки принципа публичности, чем это имеет место сейчас. Надо установить в целом ряде дел обязательное участие прокурора в целях защиты интересов советского государства и принципов социализма»¹¹¹.

Заключительную часть своего доклада о проекте Конституции СССР, сделанного на Всесоюзном прокурорском совещании 13 июля 1936 года, А.Я. Вышинский посвятил недостаткам в работе суда и

¹⁰⁹ Там же. С. 18.

¹¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹¹ Там же.

прокуратуры, а также задачам, которые возлагались на них в соответствии с новым основным законом Советского государства.

Следующую свою речь на эту тему прокурор СССР произнес 27 ноября 1936 года на вечернем заседании Чрезвычайного VIII съезда Советов. Она сильно отличалась по содержанию и стилю от его июльского доклада. Это был настоящий, хотя и прозаический, гимн во славу новой советской конституции, ознаменовавшей торжество социализма в советской стране. За два дня до этого, в день открытия съезда, доклад о проекте Конституции Союза ССР сделал И.В. Сталин¹¹². В нем описывалась краткая предыстория разработки данного проекта, выделялись его основные особенности по сравнению с Конституцией СССР 1924 года и с конституциями буржуазных держав, представлялись поправки и дополнения к нему, сделанные в процессе его обсуждения, определялось значение новой Конституции СССР. Вышинский построил свою речь как торжественную иллюстрацию к сталинскому докладу, но при этом не упустил случая еще раз сказать о том, как благодаря принятию новой конституции в Советском государстве возрастет роль законов и упрочится режим законности.

«Новая великая сталинская Конституция, — говорил прокурор СССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов, — поднимает нашу советскую юстицию, наш советский суд, советскую прокуратуру, социалистическую законность на новую ступень их исторического развития, на огромную высоту в деле борьбы за социализм, за новые победы коммунизма. Позавчера товарищ Сталин сказал: “стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было”. Новая Конституция обеспечивает стабильность, гарантирует неприкосновенность, нерушимость и незыблемость советского закона, являющегося могучим орудием социалистического государства рабочих и крестьян в борьбе за коммунизм.

¹¹² Доклад тов. Сталина И.В. на Всесоюзном VIII съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября — 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. М., 1936. С. 7-34.

Новая Конституция обеспечивает независимость наших судов, подчиняющихся только закону. Новая Конституция особое место отводит советской прокуратуре. Новая Конституция ставит на стражу советских законов, на стражу законов советского государства и советских граждан нашу прокуратуру, призванную беззаветно служить делу социализма. Высший надзор за точным исполнением законов всеми наркоматами и подведомственными учреждениями, отдельными гражданами новая Конституция возлагает на Прокуратуру Союза. Новая Конституция завершает исторический путь развития советской прокуратуры, единой, централизованной, независимой от каких бы то ни было местных влияний и органов, как прокуратуры социалистического государства рабочих и крестьян»¹¹³.

5 декабря 1936 года на вечернем заседании Чрезвычайного VIII съезда Советов состоялось постатейное чтение окончательного проекта новой Конституции СССР и голосование по каждой из 146-ти ее статей. По окончании этой процедуры на голосование съезда был внесен проект постановления «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» следующего содержания: «Чрезвычайный VIII Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет: Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией Съезда, утвердить»¹¹⁴. Данное постановление было принято единогласно. После этого съезд единогласно постановил: «Поручить Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР на основе новой Конституции СССР разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного Совета Союза ССР»¹¹⁵.

¹¹³ Речь прокурора Союза ССР т. А.Я. Вышинского о проекте Конституции // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 5. М., 1936. С. 21–22. Также см.: Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 35.

¹¹⁴ Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 12. М., 1936. С. 38.

¹¹⁵ Там же. С. 39.

Последним своим постановлением Чрезвычайный VIII съезд решил: «В ознаменование принятия новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик объявить день принятия Конституции — 5-е декабря — всенародным праздником»¹¹⁶.

* * *

Принятие новой Конституции СССР представлялось в официальных речах и документах торжеством социализма и победой сталинского политического курса. Между тем одновременно с разработкой проекта данной конституции в рамках НКВД и Прокуратура СССР велась подготовка к судебному процессу над наиболее активными сторонниками Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого. Сохранившиеся документы показывают, как разворачивалась на протяжении 1936 года политика репрессий в отношении партийных деятелей, оппозиционно настроенных к руководству ВКП (б).

5 февраля начальник секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Г.А. Молчанов сообщил рапортом наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде о том, что следствие показывает «тенденции троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами» и их террористические намерения¹¹⁷.

9 февраля заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев направил местным органам НКВД директиву, в которой сообщалось: «имеющиеся в нашем распоряжении... данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигают идею создания единой контрреволюционной партии и создания единого организационного центра власти в СССР... Задачей наших органов является ликвидация без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья. Немедленно приступите к ликвидации всех ... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива,

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Цит. по: Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 216.

направив следствие на вскрытие подпольных к.-р. Формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп»¹¹⁸.

25 марта Г.Г. Ягода в служебной записке И.В. Сталину предложил, ссылаясь на полученные при арестах и обысках сторонников Троцкого сведения об активизации ими оппозиционной деятельности, арестовать и направить в дальние лагеря всех троцкистов, находящихся в ссылке. Троцкистов же, исключенных из партии при последней проверке партийных документов, арестовать и решением особого совещания направить в дальние лагеря сроком на пять лет. Троцкистов, уличенных в причастности к террору, судить и расстрелять. Сталин переслал это письмо на заключение прокурору СССР.

31 марта А.Я. Вышинский направил в ЦК ВКП (б) тов. Сталину следующее мнение: «Считаю, что тов. Ягода в записке от 25 марта 1936 г. правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров.

Со своей стороны считаю необходимым всех троцкистов, находящихся в ссылке, ведущих активную работу, отправить в дальние лагеря постановлением особого совещания при НКВД, после рассмотрения каждого конкретного дела. В этом же порядке считаю необходимым направить в лагеря и троцкистов, исключенных из ВКП (б) при последней проверке документов.

С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть в подготовке террористических актов, в Военную коллегия Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 г. И высшей меры наказания — расстрела»¹¹⁹.

В тот же день, 31 марта, Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение: «Всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного суда с применением к ним в соответствии с

¹¹⁸ Цит. по: Там же. С. 176.

¹¹⁹ Цит. по: там же. С. 217.

законом от 1. XII. 1934 г. расстрела. Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1. XII. 1934 г.»¹²⁰. В местные органы внутренних дел была послана следующая директива НКВД: «Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников... Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья, обнаружение и ликвидацию организационных центров, выявление и пресечение всех каналов связей с закордонным троцкистским руководством»¹²¹.

20 мая Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление об ужесточении карательных мер против выявленных и нераскаявшихся троцкистов следующего содержания: «Ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов, находящихся в ссылке и исключенных из ВКП(б), предложить НКВД СССР:

1) 583 чел. троцкистов, находящихся в ссылке, срок ссылки которых истекает не ранее чем через 2 года, а также 23 чел., находящихся в режимных пунктах, изъять и решением Особсовещания НКВД заключить в отдаленные концлагеря на срок от 3-х до 5 лет;

2) исключенных из ВКП(б) троцкистов, проявляющих враждебную активность, проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Свердловске, Тифлисе, Баку, Минске, Смоленске, Саратове, Сталинграде, Ярославле, Горьком, — решением Особсовещания НКВД СССР заключить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет;

3) всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1.XI 1.1934 г. — расстрела.

¹²⁰ Цит. по: Там же. С. 177.

¹²¹ Там же.

Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих преданию суду по закону от 1.XII.34 г.»¹²².

Работа над проектом новой Конституции СССР в рамках конституционной комиссии была завершена к середине мая 1936 года. И по какому-то странному совпадению именно в мае указанного года руководство ВКП (б) приняло решение об осуществлении судебных репрессий против самой активной части партийной оппозиции.

¹²² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о троцкистах. 20 мая 1936 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 756.